

Гиблое пространство

Борис Маркевич в Музее личных коллекций

выставка графика

В Музее личных коллекций открылась выставка «Борис Маркевич. Обозначенное пространство». В пространстве, обозначенном известным мастером советской книжной графики, перемещался СЕРГЕЙ ХОДНЕВ.

Борис Маркевич (1928–2002) — классик советской книжной графики. В разное время он оформлял «Сорок первый» Бориса Лавренева, «Литературные портреты» Андре Моруа, «Театральный роман» Булгакова, элегии Овидия, «Старик и море» Хемингуэя, «Над

пропастью во ржи» Сэлинджера. Кроме того, ему принадлежат иллюстрации к «Двенадцати» Блока, рассказам Виктора Астафьева и Валентина Распутина, новеллам Анатоля Франса, рассказам Зощенко и «Мастеру и Маргарите» Булгакова.

Не успела открыться выставка Артура Фонвизина, как Музей личных коллекций уже дополнил его Борисом Маркевичем. Поглядеть на биографию двух героев — и оказывается, что в поздние сороковые Марке-

вич трудился в системе советского цирка (ткани расписывал, это были чуть ли не первые его самостоятельные шаги в мире искусства), а в эту же самую пору художник Фонвизин рисовал своих жизнерадостных циркачек на лошадях. Иначе, как взаимопроникновением судеб на почве великого советского цирка, это не назовешь.

Но, наверное, именно потому, что Маркевич насмотрелся на цирковую романтику из-за собственноручно расписанных

кулис, его унесло от нее невозможнодалеко. Да и вообще с романтикой у него сложные отношения. Вот акварели. Для тех, кто Маркевича знает только по книжным иллюстрациям, это настояще открытие. Никакой тебе прозрачности-воздушности, довольно глухие и укрывистые красочные слои, и прямо видишь, как художник недрогнувшей рукой выводит ровными цветовыми плоскостями полумрак деревенской избы. Рядом с перьевкой графикой, где та

же рука двумя-тремя легкими и бесконечными линиями непринужденно обозначает Коровьеву или Бегемота, эти листы кажутся очень непреклонными. Нежного шепота полутона или понуро, и никакого азарта играя явно не будет. Картинка довольно тусклого и сонного существования, но уж спокойствия — прямо хоть ложкой ешь.

В завершающем разделе выставки — акварельные натюрморты 1990-х, которые и натюрмортами-то называть странно. Мертвенности хватает, приро-

ды — не очень. Композиция везде одинакова: однородный фон, в котором горизонтальная поверхность строго переходит в вертикальную; своей формальностью это похоже на сцену и задник. Изображаемые посреди этой «сцены» предметы держатся как-то по-театральному, только вот пьеса у них невеселая. Вот стоит пустая бутылка, вот аптечный пузырек (пустой, разумеется), вот спичечный коробок. Все предметы выписаны мастерски, иногда на грани обманки, но видно, что их тяготит и их собственное жизнеподобие (нет бы расплыться в глухой стене фона — по-настоящему акварельно), и математическая точность расположения на листе. А масштаб их между тем все уменьшается, и когда в центре внимания оказывается одна единственная прозрачная капля, почему-то не впитывающаяся в суровый антураж, наступает очевидная уверенность: не-добро оно, это обозначенное пространство.

Комментарий — 2003. — 14 февр — с. 22.